

Робаут тащил Павельку за мантию, но с таким же успехом он мог бы попытаться сдвинуть саму башню. Магос “Ренарда” непоколебимо стояла на месте, подключив инфошпы к центру управления. Мерцающий инфосвет прокручивался в оптике под капюшоном, а конечности подёргивались от непроизвольных спазмов. Она боролась с кодом центра, словно с необъезженным сопротивлявшимся жеребёнком.

Яростные вспышки электрических разрядов протянулись по механодендритам, вонзаясь в тело. Робаут поморщился от омерзительно аппетитного запаха запечённого мяса.

– Иланна! Отключайся! – крикнул он, чередуя внимание между неистовым столкновением клинков и когтей на вершине эстакады и треском лазерного огня из ружей кadianцев. – Нам нужно уходить!

– Просто. Не подпускайте. Их. Ко мне... – прошипела Павелька.

– У нас нет на это времени, – ответил Вен Андерс, одной рукой сжимая ружьё, а другой рукоять силового меча. – Оттащите её, Сюркуф, или я сам разберусь с этим.

Робаут кивнул. У него не было ни малейшего желания здесь оставаться. Он видел жаждущие, ребристые и клыкастые силуэты врагов на эстакаде, но внушительные фигуры Чёрных Храмовников и призрачного властелина мешали рассмотреть их вблизи.

Подобное развитие вещей его вполне устраивало.

Брах и Яэль стояли на противоположной стороне центра управления, вгоняя болты во врага каждый раз, когда появлялась цель.

Дела у мечников-Храмовников обстояли хуже. Танна опустился на колени. Его левая рука безвольно висела вдоль тела, а расплавленные остатки пистолета валялись на полу. Иссур подёргивался в хватке потрескивающего электрического поля, которое заживо сжигало его в доспехах.

Только Атик Варда продолжал сражаться непокорённый.

Его чёрный клинок разрубал броню тиндалосов, разбрасывая во все стороны вращавшиеся серебряные и бронзовые осколки. Чемпион Императора сражался с точностью дуэлянта и мощью берсерка, оба воплощения войны слились в единое целое. Это было самым удивительным и рациональным искусством владения мечом, которое видел Робаут.

Но даже столь безупречный воин не мог сражаться вечно.

– Иланна, пожалуйста, – взмолился Робаут, рискнув коснуться её плеча. Он почувствовал яростную микродрожь тела, которое в основном состояло из работавших на пределе машин.

Исходящий от Павельки жар был почти невыносимым.

– Не трогайте меня! – рявкнула она. – Почти. Вот.

– Слишком поздно! – крикнул Вен Андерс, когда два тиндалоса перепрыгнули через ограждения на платформу. Одного поймали в воздухе очереди Яэля и Брахи из трёх болтов. Взрывное воздействие массреактивных снарядов отшвырнуло гончую ада, и Робаут не смог сдержать ликующий вопль, пока она падала с горестным воем.

Оставался ещё один враг и кадианцы направили на него хеллганы. Сверкающие потоки лазерного огня ударили со скоростью и точностью, которых можно было добиться только тренируясь всю жизнь.

Ни один выстрел не попал в цель.

Мгновение спустя тиндалос уже был среди них.

Водан перекусил живое тело пополам, отбросил в сторону и рассёк когтями другое на две части от плеча до таза. Вот, что он любил больше всего. Вот какими врагами он наслаждался.

Мягкие, смертные, сочные и без малейшего отвлекающего кодового аромата, который мог выпустить гейс. Когти рубили и шесть тел истекали кровью. Шкура хлестала электричеством. Он сжигал, рассекал и плавил врагов. Крючья с ядовитыми маслами вырывали мясо из кричащих животов.

Некоторые были жёсткими и жилистыми, другие лёгкими, словно пушинка.

Разные расы?

Это не имело значения, обе оказались одинаково хрупкими.

Энергетические лучи кололи его. Незначительные раздражители. Его броня была непроницаемой для такого примитивного оружия с низкой излучательной способностью. Потрескивающие дуги странных штормовых огней поразили его сокрушительным психическим ударом губительной энергии. Сработала древняя нулевая схема в теле, рассеяв эти атаки без всякого вреда.

Неужели эти мясные существа ничего не знали о Водане?

Воины в зелёной броне танцевали вокруг него, жала из потрескивающих устройств возле ртов и рубя гудящими клинками. Он взорвал их внутренние органы электромагнитными микроимпульсами.

Он услышал их крики, ужасные крики, источником которых не являлись никакие органы речи. Он записал информацию для дальнейшего изучения. Никакие из ранее убитых им рас не вели себя так после смерти.

Он сжал челюсти на голове смертного и повернулся из стороны в сторону, позволяя зазубренным зубам сделать остальное. Быстрые мясные существа продолжали атаковать его, даже не понимая, что не могли убить Водана. Их вспыхивающее оружие было столь же эффективно против его брони, как жала веспидов против левиафана.

Двое воинов в чёрных доспехах окружили Водана – в данных Телока они назывались космическими десантниками – вместе со стройной охотницей, вооружённой мечом с визжащими зубьями. Оружие явно было слишком велико для неё, но Водан признал, что и она являлась грозным противником.

Эти космические десантники были жёстче и смертоноснее, чем все, кого пожелали увидеть мёртвыми его давно забытые хозяева. Каждый был облачён в ядовитые доспехи с духами-машинами, которые могли стоять гончей ада жизни, стоило хоть раз укусить за неправильное место или уступить искушению попировать. Водан не боялся этих убийц, но знал, что их стоило опасаться.

Добыча находилась в пределах видимости, убегая по мосту из стальной сети и тросов. Уже в пределах досягаемости, но первым правилом любой охоты являлось не оставлять в живых тех, кто мог бы охотиться на охотника.

Пара громких ударов замедлила его атаку, когда космические десантники выстрелили из своего тяжёлого оружия. Водан изогнулся в воздухе, прикончив ещё один мешок мяса с кричащей душой резким движением крючковой задней ноги. Разрывные боеприпасы следовали за ним, отскакивая от изогнутых пластин плеча, когда он приземлился перед тремя воинами, которые стоили его внимания.

Он взвыл от ярости, но они не побежали, что и делало их уникальными.

Все бежали от Водана.

Но Водан напомнил себе, что эти существа не знали, кто он.

Ещё один залп разрывных снарядов обрушился на его броню.

Один взорвался в груди, и мгновенная боль пронзила его. Водан не знал такой боли тысячелетия. Боль изоляции и безумия, да. Знание, что его сознание медленно, но верно, распадается, конечно.

Но боль от раны?

Она вызвала старые воспоминания, пережитые страдания и былые радости.

Сила, которой Телок наполнил его из древней машины, начала свою отвратительную работу, пожирая минеральные запасы в теле, восстанавливая повреждения и затягивая раны.

Водан прыгнул вперёд, быстрее, чем они могли бы увернуться. Одна рука с когтями пробила грудь космического десантника со всей мощностью, на которую он был способен. Чёрное и белое стало красным. Таким ярким, таким живым. Таким непередаваемым.

Водан поднял тело и перекусил пополам.

Он выплюнул искореженные куски мяса и металла.

Охотница взвилась в воздух, а второй воин поднырнул под руку с когтем. Она взмахнула огромным клинком, словно тот вообще ничего не весил, и рассекла позвоночник Водана. Космический десантник вонзил зубчатый меч в восстанавливающиеся части тела тиндалоса.

Водан снова познал боль, но встретил её с радостью. Так много времени прошло с тех пор, как он сражался со способным нанести ему рану врагом. Он перевернулся в воздухе и ударил клинком ноги охотницу в грудь.

Она вскрикнула и упала, едва ли не сломанная пополам, выроненный меч заскользил по платформе. Водан взревел с воющим смехом, вонзил когти в броню космического десантника и отшвырнул противника, словно требуху. Раздался треск сломанного доспеха, когда воин врезался в высокую колонну центра управления и рухнул на пол. Крылья цвета слоновой кости на груди разлетелись на тысячу кусков. Пары кода поднялись из разломанных частей чёрного металла, но Водан проигнорировал сладкий аромат.

Вкусить его означало умереть.

Вместо этого он повернулся к последней горстке мягких мясистых тел, которых предстояло убить. Большинство были без кода, только голая плоть и страх, но одна фигура стояла у центра управления, яростно сцепившись с древним духом в его сердце.

От неё исходил код, плохой код. Её машинные руки отсоединились от центра и втянулись в тело. Она крикнула предупреждение остальным.

Водан взвыл, наслаждаясь поглощаемым ужасом.

Он пригнулся и согнул крючковатые ноги.

И мир взорвался в кричащем белом огне.

Робаут и Андерс прицелились, но гигантский зверь, который с такой лёгкостью вырезал большинство эльдаров и кадианцев, рухнул на пол. Он выл от боли, конечности бились в конвульсиях, разрывая смертоносными ударами металл платформы.

Даже выведенный из строя он оставался смертельно опасным. Приблизиться к нему означало умереть.

По стихнувшим звукам у эстакады Робаут понял, что что-то подобное произошло и с тиндалосами, которые сражались с мечниками Танны и призрачным властелином. Аналитический разум вольного торговца провёл молниеносную оценку текущей ситуации.

Браха погиб, в этом не было никаких сомнений, но Яэль уже поднимался, застонав от боли.

Робаут почувствовал, как у него пересохло во рту. До этого момента сама мысль, что космический десантник чувствует боль, казалась ему совершенно невозможной. Каждый религиозный пикт говорил о непобедимости Адептус Астартес, их абсолютной неспособности испытывать боль или страх. Робаут был достаточно реалистичным человеком, чтобы понимать, что такие пикты пропагандировали то, во что Империиум хотел, чтобы его люди верили, но даже он был потрясён количеством потерянной Яэлем крови.

Ариганна Ледяной Клык, хромая, направилась к Бьеланне, броня на груди экзарха была разорвана. Из глазных линз её шлема, словно красные слёзы, текла такая же яркая как у Яэля кровь. Она была тяжело ранена. Возможно, даже смертельно. Она что-то сказала Бьеланне, но Робаут не смог разобрать слов. Бьеланна покачала головой. Что бы ни просила экзарх, ясновидица не могла это дать.

Робаут отвернулся от эльдаров, когда Павелька резко упала на колени. Поглотители тепла в её рёбрах заставляли мантию вздыматься от обжигающих паров. Она протянула руку Робауту, двигая её в воздухе, словно слепая. Он взял её, поморщившись от боли, когда сжались металлические пальцы.

– Что вы сделали, Иланна?

– Спросите её позже! – воскликнул Андерс, вешая ружьё на плечо и помогая Робауту поднять потрясённую магоса на ноги. Если Андерсу и причинил боль палящий жар тела Павельки, он это не показал.

Вдвоём они потащили её от центра управления, пытаясь не наступить ни на одну из отрубленных конечностей или тел, которые оставила на своём пути машина-охотник.

Скорость, с которой она убивала, была феноменальной.

Сколько погибло?

Эльдарские и человеческие тела перемешались, сделав ответ невозможным. Подбежали Танна, Варда и Иссур вместе с несколькими выжившими Жалящими Скорпионами и Воющими Баньши.

- Вы это сделали? - спросил Танна Павельку.

Она кивнула:

- Я обманом заставила центр передать самовоспроизводящийся повреждённый код каждой машине в башне. Его вирусная форма разозлила духов, и они мгновенно изгнали его в ноосферу. Для вас он невидим, но мучительно ослепляет всё, что использует аугметические чувства.

Робаут посмотрел под капюшон Павельки и увидел, что её глазные имплантаты стали тусклыми и пустыми, хотя обычно сияли бледно-синим светом. Тонкие струйки дыма поднимались от опалённых оправ.

- Нет, Иланна... Вы...?

- Это нужно было сделать, - ответила она. - Теперь вперёд!

“Дитя Гнева”, “Мортис Фосс” и “Дитя Луны” превратились в безжизненные остовы, почерневшие и освещаемые изнутри спорадическими вспышками умиравшего оборудования. Поразившая “Сперанцу” молния пришла из самого центра Экснихлио, она постепенно и без видимых усилий прошла сквозь корпус ковчега Механикус. Существовая в совершенно ином фазовом состоянии, чем уничтожившие корабли сопровождения “Сперанцы” молнии, она ничего не разрушила, пока не достигла точки назначения.

Первый поток объединился в средней части корабля на палубе 235/Кай-Роу 66, турбинном зале с высокими потолками, заполненном рядами грохотавших машин, которые поставляли очищенный от токсинов воздух в квадрант подфюзеляжных храмов-кузниц.

Буря сверкающих раскалённых добела и текучих дуг молний заполнила центральный неф между турбинами. В свете двигались призрачные силуэты, ураганы микроскопических машин, которые за считанные секунды преодолели расстояние от Экснихлио в искусственной молнии.

Потрескивающий разряд обеспечил энергию, насыщенный макрочастицами воздух “Сперанцы” - сырьё, и твёрдые формы начали разворачиваться из перенесённых сжатых молекул.

Палубные сервиторы проигнорировали разъярённый шторм, не обратив внимания на возникшую угрозу. Те, чьи предопределённые маршруты пролегли вблизи неистовой бури, мгновенно обратились в пепел, их плоть и материя стали топливом для консолидирующегося вторжения.

Сначала адепты Механикус искали причину происходящего в своих системах, считая, что пропустили или неправильно применили какой-то ритуал или катехизис. По всей палубе взревели аварийные сирены, а сигналы тревоги зазвенели в соседних кузнях и машинных храмах. К тому времени как адепты Кай-Роу 66 поняли, что дело не в машинном сбое, было уже слишком поздно.

Первые появившиеся из шторма молний кристаллиты являлись грубыми копиями Адептус Астартес. Стекловидные и гладкие воины, каждый из них возродился из жидкого света и содержал тысячи уникальных наномашин Телока. Они наступали сотнями в сверкающих рядах и заполнили Кай-Роу 66 залпами изумрудного огня. Машины взрывались, сервиторы погибали, запускались разрушительные цепные реакции.

Бинарные вокс-сообщения лихорадочно помчались на мостик, предупреждая об abordage, но сигнал с Кай-Роу 66 не был последним. Новые дуги молний с поверхности планеты десятками обрушивались на “Сперанцу” и каждый шторм извергал сотни кристаллитов. Некоторые выглядели как простые воины, другие были крупнее. Они обладали мощным вооружением и когтями-клинками, а также были облачены в листы отражающей брони, напоминавшие тяжёлые стекловидные мантии.

Последними в Кай-Роу 66 сформировались военные машины.

Именно их Телок некогда назвал тварями ужаса.

Потрескивающая ярость в верхних слоях атмосферы Экснихлио бесследно исчезла. Танну поразила бледная ясность неба над башней. Она напомнила ему фрески на борту “Вечного Крестоносца”, изображавшие пасторальную идиллию Старой Земли.

Иллюзия обратилась в прах, стоило ему отвести взгляд от небес и увидеть бесконечные просторы простиравшихся до горизонта гигантских генераторных башен и кузнечных комплексов.

Ведущий из башни радиальный мост выходил на многоуровневую огороженную цепями лестницу. С широкой платформы протянулись пути на уровни выше или вниз к основанию башни сквозь бурлящие клубы подсвеченных пламенем отработанных газов.

Пятисотметровый подвесной мост на тросах соединял универсальный транслятор с колоссальным квадратным зданием. Облицованное листами заржавевшей рифлёной стали сооружение не предоставляло подсказок относительно своего назначения, ограничившись несколькими трубами, извергавшими грязный дым и сажу, которая жирным пепельным снегом падала на крыши более низких построек.

Оно напомнило Танне гигантские промышленного масштаба крематории на мирах вроде Бальгаута и Цертус Минор.

Он надеялся, что это не являлось предзнаменованием.

- Браха? - спросил Варда.

Танна покачал головой, и чемпион Императора выругался.

- Яэль?

- Жив, - ответил Танна, показав на противоположную сторону моста, где Яэль прикрывал боевых братьев из болтера. Они побежали к нему, за Храмовниками, прихрамывая, следовал Ульданаишь Странствующий Призрак.

Повреждения ног лишили призрачного воина скорости и изящества. Рядом с Яэлем скитарии Котова пытались взломать вход в здание, представлявший собой закрытую дверь из сложенной стали.

Танна оглянулся в поисках преследования.

Иссур увидел, куда он смотрел и спросил:

- Ты д-д-думаешь адепт убил... убила их?

- Сомневаюсь, - ответил Танна. - Я нанёс этим зверям столько смертельных ран, что они должны были уже десять раз умереть. Если они пережили это, то переживут и чары магоса Павельки.

- Крепкие звери, - согласился Варда. - Я только один раз сражался с врагом, который мог пережить мои убийственные удары.

Танна кивнул:

- Танатос?

- Да, дьяволы с серебристой кожей, которые возвращались, не важно, насколько сильный удар я нанёс или сколько взорвалось массреактивных болтов.

- Э-эт... эти такие же? - спросил Иссур.

- Нет, - произнёс Ульданаишь Странствующий Призрак, его голос больше не звучал глубоко и резонансно, а стал слабым и отдалённым. - Эти твари - не слуги Ингир, они были созданы живыми руками и получили возможность не обращать внимания на смертельные раны

благодаря безумному колдовству Телока. Но ты прав – они вернутся.

Словно подчёркивая слова призрачного воина, гончие вырвались из башни. Некоторые встали на задние ноги, другие сгорбились на четвереньках, выискивая добычу. Даже поверхностный взгляд показал Танне, что от всех нанесённых им и братьями повреждений не осталось ни следа.

Звери увидели, что добыча пересекала мост и устремились за ними, приближаясь и воя от предвкушения. Искры летели из-под кривых когтей, врезавшихся в сетчатую решётку настила моста.

– Храмовники, к бою! – крикнул Танна.

– Нет, – произнёс Странствующий Призрак, встав поперёк моста. Изогнутый меч с костяным клинком выскользнул из его перчатки. – Я приму здесь бой, как Торалвен Гибельная Песнь принял в Хеллаборе.

Танна догадался, что задумал гигантский воин и спросил:

– Скажи мне одну вещь, Странствующий Призрак. Торалвен Гибельная Песнь выжил?

Призрачный властелин повернул к нему изумрудный череп, и Танна увидел в ужасной разорванной ране треснувший гладкий драгоценный камень. Его свет тускнел.

– Торалвен Гибельная Песнь был – ищущим гибель, – ответил Странствующий Призрак.

– Что это означает?

– То, что он ходил по призрачному пути больше жизней, чем ты или я когда-либо знали, – сказал Странствующий Призрак. – Возможно, слишком много.

Танна понял:

– На Армагеддоне я встретил воина Кровавых Ангелов, долг которого состоял в том, чтобы выслушивать последние слова тех, за кем пришла смерть. Бремя прекращать страдания лежало на нём тяжким грузом, но он рассказывал о покое, который иногда испытывали эти потерянные души, когда слышали, что смерть положила конец их долгу.

Танна, Варда и Иссур подняли мечи в приветствии.

– Умри достойно, Странствующий Призрак, – произнёс Танна.

- Бегите, - посоветовал призрачный воин.

Ульданаишь отвернулся от отступавших монкеев, опечаленный тем, что их лидер действительно полагал, что понял истинную глубину того, чему суждено навечно быть здесь потерянным.

Разве человек не слышал, что Ульданаишь сказал раньше?

Тело его умерло давным-давно, но благодаря преданности Ветру Мечей дух сохранился в призрачной структуре камня души могучего воина-конструкта. Теперь камень души раскололся до самой середины и открыл сокрытое от древнего и голодного бога.

Страх поселился в сердце эльдарской расы. От художника до экзарха перспектива, что Та Кто Жаждет пожрёт и подвергнет вечным пыткам душу, наполняла животным ужасом даже самое смелое сердце. Разве мог кто-то представить, что он примет такую судьбу за монкеев?

Ульданаишь цеплялся за раненое призрачное тело всеми фибрами своей решимости. Он уже слышал, как жестокий смех давит со всех сторон, чудовищный голод тёмной силы, которая проглотит его душу и даже не заметит.

Тиндалосы были почти рядом, когда он встал точно посередине моста.

Ульданаишь видел не так, как видели смертные. Призрачное зрение показывало мир размытыми сновидениями и кошмарами, благоухающими мимолётными эмоциями и мерцающими оттенками. Без направляющего света ясновидца было трудно отделить реальное от нереального.

Эльдары казались призрачными формами, скрытыми от Той Кто Жаждет камнями душ, но каждый монкей выглядел ярким кроваво-красным факелом, сущностью с неограниченной способностью к насилию.

Бьеланна уже скрылась в здании позади него, и Ульданаишь почувствовал внезапный страх от того, что его собратья войдут в это ужасающее пространство. Что-то жуткое скрывалось внизу, что-то источавшее бесконечную боль и страдания целого мира.

Ульданаишь хотел предупредить их об опасности, но тиндалосы были уже слишком близко. Как и монкеи они выглядели сияющими тварями, яркими, словно фосфор и обладали дикой жаждой насилия.

То, что они обладали интеллектом не вызывало никаких сомнений.

Ульданаишь ощутил извращённую злобу врагов, как только они ворвались в башню. Они несли в себе настолько чудовищные и психотические искусственные сознания, что казалось

совершенно невозможным, что их могла создать разумная раса.

Он сразу увидел зверя-вожака, существо, состоявшее из зла и ненасытного голода, которое оставляло пульсирующие негативные ожоги в призрачном зоре. Росчерки тёмного сияния мерцали в курящихся глазных линзах твари, а между окровавленными клыками непропорционально большой челюсти мелькали молнии.

Они мчались на Странствующего Призрака плечом к плечу.

Он устремился им навстречу длинными размашистыми шагами. Он ударил сверху и рассёк первому позвоночник призрачным клинком. Почувствовав слабость добычи, один тиндалос атаковал ноги, а другой – голову. Он перерубил первого почти пополам оружием перчатки. Второй сам насадил себя на клинок. Ещё один вцепился зубами в перчатку и широко покачнулся, используя свою массу, чтобы лишить его равновесия.

Последний зверь схватил вспыхивающие на плечах лопасти и вывернул их. Странствующий Призрак испустил рёв древней боли, когда они разрушились, словно фарфор. Он нанёс клинком обратный удар, отрубив ноги зверя, вцепившегося во вторую руку.

Освободив её, он замахнулся от бедра и впечатал кулак в чудовищного охотника, разрывавшего его бок. Удар смял талию врага и почти сломал пополам. Существо испустило машинный вой и тяжело врезалось в парапет моста. Ульданаишь отклонился назад и сбросил его ударом ноги.

Зверь, которому он разрубил позвоночник, оправился от ран, новые пластины уже выдвигались из какой-то внутренней пустоты. Зелёный свет плясал на новой стали. Ульданаишь выпустил поток пульсирующего лазерного огня ему в глаза. Они погасли в кричащем вопле враждебной статики.

Два зверя попытались прорваться мимо него. Он отступил и ударил одного ногой в рёбра, едва не расплющив о металлический парапет моста. Затем Ульданаишь повернулся на пятке и пронзил другого насквозь, приколов призрачным клинком к настилу моста.

Вожак врезался в него. Они покатались. Кулак Ульданаиша обрушился на рёбра тиндалоса. Широкая пасть вцепилась в череп воина-конструкта, выдирая большие осколки призрачной кости. Клинок глубоко рассёк позвоночник чудовища. Когти впились в грудную клетку и разрывали броню на длинные полосы.

Они расцепились. Ульданаишь перекатился, поднялся и покачнулся, когда правая нога, наконец, не выдержала. Психоактивная соединительная ткань в суставе стёрлась до состояния разбитого стекла и никакая сила не могла заставить её выдержать его вес.

Тиндалосы стояли перед ним: он – раненый гигант, они – механизированные убийцы, которые восстанавливались с каждой секундой.

Потянувшись вдоль настила моста на одном колене, Ульданаишь сумел принять вертикальное положение. Спектральное зрение призрачного взгляда тускнело, и всё же неровные очертания тиндалосов оставались резкими и чёрными.

Жестокий смех стал ещё ближе, словно один из эльдарит иннеас пришёл насладиться гибелью своей жертвы.

Теперь этот момент настал.

- Подходите, гончие Морай-Хег, - произнёс он. - Мы умрём вместе!

Ульданаишь вытянул левую руку и разрезал толстые подвесные тросы пилящим взрывом высокочастотных лазерных импульсов. Одновременно призрачный клинок рассёк переплетённый узел тросов возле плеча.

Настил моста пошёл волнами, в одно мгновение, лишившись основных опор. Тиндалосы увидели опасность и бросились мимо него, но было уже слишком поздно.

С криком разрывающегося металла мост переломился пополам, сбросив сражавшихся во взрывоопасные ядовитые облака у основания башни. Падающие тиндалосы выли, пока их металлические шкуры покрывались волдырями в едком тумане.

Ульданаишь Странствующий Призрак не издал не единого звука.

Его душа больше ему не принадлежала.

Глоссарий:

Balhaut - Бальгаут

Certus Minor - Цертус Минор

Hellabore - Хеллабор

Thanatos - Танатос

<http://tl.rulate.ru/book/30591/659651>